

## РУССКАЯ ШКОЛА КАК ОСНОВНОЙ МЕХАНИЗМ УТВЕРЖДЕНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОСЕТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В. \*

К. Р. Дзалаева

*В статье рассматривается проблема распространения общероссийской идентичности в период пореформенной модернизации второй половины XIX — начала XX в., от решения которой зависело внешнестратегическое и внутривнутриполитическое благополучие России. Объектом исследования выступила русская школа как социокультурный механизм утверждения общероссийской идентичности в Осетии, где указанный процесс протекал наиболее эффективно. В ходе работы был изучен ряд архивных источников, публикаций дореволюционной периодической печати, современная литература по проблеме. Автор приходит к следующим выводам: процесс утверждения общероссийской идентичности в Осетии в частности и на Северном Кавказе в целом имел огромное стратегическое значение для внешней и внутренней политики Российской империи; ведущая роль в этом процессе принадлежала русской школе, которая реализовывала в осетинском социуме не только образовательную, но и воспитательную, идеологическую, консолидирующую функции; осетины осознали пользу русской школы и проявили феноменальный интерес к образованию; русская школа способствовала трансформации самоидентификации, самоощущения осетин с остальными российскими гражданами и утверждения среди них основ российской государственности и идентичности.*

**Ключевые слова:** Осетия, Россия, общероссийская идентичность, социально-культурный механизм, русская школа, образование, самоидентификация.

*The article discusses the problem of the expansion of Russian national identity in the period of the post-reform modernization in the second half of XIX — early XX century, which was crucial for military-strategic and wellbeing within Russia. The object of research is Russian school as a socio-cultural mechanism for the rooting of Russian national identity in Ossetia, where this process was the most effective. Number of archival sources, pre-revolutionary periodical press publications, and recent literature on the problem were studied during the work. The author concludes that the process of approval of Russian national identity in Ossetia in particular and in the North Caucasus as a whole was of great strategic importance for the foreign and domestic policy of the Russian Empire; leading role in this process belonged to the Russian school, which was implemented not only educational, but also pedagogical, ideological, consolidating functions in the Ossetian society; Ossetians have realized the benefit of the Russian school and revealed a phenomenal interest in education; Russian school promoted the transformation of identity assertion and Ossetians among them the foundations of Russian statehood and identity.*

**Keywords:** Ossetia, Russia, Russian national identity, socio-cultural mechanism, Russian school, education, self-identification.

\* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

Одной из важнейших внешнестратегических и внутривнутриполитических задач, стоящих перед Россией во второй половине XIX — начале XX в., являлось распространение и утверждение общегосударственной идентичности на Северном Кавказе, моделирующее идеологическое воздействие на процессы самоидентификации северокавказских народов как неотъемлемой части российского населения и их социально-культурную интеграцию в многонациональный и поликонфессиональный российский социум.

В целях укрепления самодержавных позиций среди северокавказских горцев российское правительство прибегало к разным средствам, включая затяжные изнурительные военные кампании, однако куда эффективнее оказалось воздействие на умы и души подрастающего поколения, у которого только зарождались основы мировоззрения, картины мира, «системы координат». В соответствии с ними формировался и комплекс ценностей, в котором важное место на протяжении всей истории занимает оппозиция «свои-чужие», являющаяся одной из базовых в человеческом сознании. С опорой на нее происходила первичная ориентация молодого индивида во внешнем мире, формировалось его самосознание. В связи с этим именно среди юных горцев процесс распространения общероссийской идентичности имел все шансы на безусловный успех.

Основным механизмом утверждения общероссийской идентичности на Северном Кавказе выступила русская школа, которая являлась не только светочем знаний, но и своеобразным социально-культурным и идеологическим центром русскости. Школьное образование выступило как базовая часть процесса формирования личности и ее представления о том, «кто я есть», в ходе которого молодому поколению прививались определенные культурные ценности устанавливающей свое господство культуры. Одновременно с приобщением учащихся к ее ценностям, школа выступала своеобразным средством социального контроля. Социализация подрастающего поколения в рамках школы спо-

собствовала «врастанию» ее подопечных и их семей в мир русской культуры и единых общественных ценностей.

Наибольшую популярность на Северном Кавказе школьное дело получило в Осетии. Прежде всего, усилия русской школы были направлены на формирование гражданской позиции, гражданской идентичности среди юных осетин.

Совет «Общества восстановления христианства на Кавказе», видевший в осетинах древних христиан, «забывших православную религию и частью перешедших на сторону магометанства», ставил своей первоочередной задачей восстановить среди них заметно угасавшую религию, поэтому в помощь духовенству как вспомогательное средство в распространении христианских истин, в горских селениях стали открывать школы, на которые были возложены просветительская и воспитательная функции. Школы эти, «как рассадницы просвещения среди темной массы народа, несмотря на то, что с самого начала основания в 1863 году встречали на пути своего развития много преград и часто подвергались закрытию, оказали большую услугу горцам» [1, 3]. Благодаря русским школам «могучий русский язык стал для осетин родным и в этом отношении осетины заняли давно уже первое место среди народов Кавказа. Эта долготелая работа народной школы пробудила среди осетин стремление к дальнейшему образованию. В то время как в Чечне и Дагестане заканчивалась полувековая война, сыны Осетии выходили уже из военных, гражданских и духовных высших учебных заведений деятелями новомирной культуры и русской гражданственности и уже тогда становились в ряды работников на народной ниве» [2, 11].

Первая миссионерская школа, согласно указу от 27 сентября 1764 г., была открыта в приграничной крепости Моздок. Ее целью было «сколько возможно стараться, чтобы из обращенных принимать в учрежденную в Моздоке школу учеников с тем, чтобы они никогда своего родного языка не забывали, и чтоб таких со временем, по обучении российской грамоте, и по способности

мест, можно было бы посвящать к церквям обращенных во священники и посылать для проповеди» [3, 77].

К 60-м гг. XIX в. Осетия стала наполняться школами, а стремление осетин к образованию стало приобретать феноменальный характер: «Они больше других горцев прониклись идеей необходимости широкого развития среди себя школьного образования, справедливо видя в нем залог будущего развития населения как в духовном, так и в материальном отношении» [4, 2]; «в последнее время замечается у осетин особое стремление к образованию, вместе с развитием благосостояния, особенно у осетин, живущих на равнине»; «осетины восприимчивы, любознательны, сообразительны, легко усваивают русский язык. Они наполняют школы народные, проникают в средние учебные заведения, где пишущий эти строки всегда находит среди них внимательных и трудолюбивых учеников» [5, 3].

Задача распространения и утверждения общероссийской идентичности реализовывалась в Осетии планомерно. Русская школа активно способствовала формированию нового государственного мировоззрения, осуществляла свою идеологическую миссию. В рапорте начальника Владикавказского округа начальнику Терской области от 26-го июня 1869 года докладывалось: «Осетины давно уже сами сознали пользу знания языка русского и грамотности, — окружены русским населением единоверным с ним, так как большая часть осетин исповедуют христианскую религию, они, когда еще не были устраиваемы школы для осетин, большая часть из жителей отдавали своих сыновей в станицы — казакам для обучения русской грамоте; хотя подобное обучение и не приносило такой пользы, какую принесли бы школы, но, во всяком случае, оно имело важное значение, так как оно развило в народе грамотность и знание русского языка. Ныне не редкость встретить осетина, умеющего хотя и плохо, но написать что-либо, а говорящий по-русски уже не удивляет никого» [6, 25]. Во второй половине XIX в. Осетия стала покрываться

сетью сельских школ «Общества распространения христианства на Кавказе», которая «...сделала среди осетин Владикавказского округа русский язык и грамоту родными. Вслед за христианскими открыли и в мусульманских осетинских селениях такие же школы» [7, 9].

Во всех горских христианских приходах, при посильном содействии «Общества Восстановления Православного Христианства на Кавказе», школы этого ведомства имели целью воспитание детей горских семейств в духе православной веры, распространение необходимых сведений по образу их жизни, нуждам и занятиям.

В виду разбросанности горских поселений, трудности их сообщений и суровости климата, с целью предоставления возможности большему числу детей обучаться, не оставляя родительских домов или оставаясь в близком соседстве с ними, приходские школы должны были быть подвижно-очередными. Они оставались в одном ауле на два или три года подряд, чтобы как можно больше горских детей могли получить достаточно полное первоначальное образование. По истечении этого срока школа должна была переводиться на два-три года в другой аул. Материальная и учебная поддержка приходских школ осуществлялась за счет упомянутого выше Общества. Помещения для приходских школ, дрова и отопление помещений предоставляли по общественным решениям сельские общества. В одноклассных школах велось обучение по таким предметам, как чтение и письмо местного письменного языка, закон Божий (символ веры, заповеди Господни, молитвы и главнейшие сказания из священной истории), четыре первые действия арифметики, церковное пение, ознакомление посредством чтения и разговоров с предметами внешней природы, возбуждающими любознательность детей, чтение русских книг гражданской и церковной печати, письмо и практическое изучение разговорного русского языка.

В двухклассных школах, помимо указанных предметов, преподавались краткий катехизис и краткая священная история,

краткая русская грамматика, некоторые вопросы арифметики (именованные числа и простые дроби), география (общие понятия об этой науке и география Российской империи), чтение книг нравственно-исторического содержания.

В приходские школы принимались дети не младше восьми лет из горских семейств, независимо от социального положения. От поступивших в школы детей не требовалось никакой платы за обучение. Более того, учащиеся в приходских школах, как пансионеры, так и вольноприходящие, пользовались безвозмездно всеми учебными пособиями. Причем пансионерам ежегодно бесплатно выдавалась одежда и обувь из «туземных материй».

Учителями школ назначались лица преимущественно из священно- и церковнослужителей местного причта. Могли быть учителями также лица «всякого звания и состояния, соединяющие в себе условия, для занятия сих должностей необходимые».

По воскресным и праздничным дням приходский священник-законоучитель с учителем приглашали в школу всех прихожан для обучения молитвам на родном языке.

Основная задача, возлагаемая на учителей приходских школ, состояла в воспитании в сердцах детей благоговения перед Богом, любви к ближнему, уважения к закону и властям.

Церковно-приходскими школами обогатились такие осетинские селения, как Ардон, Ход, Галиат, Дарг-Кох, Вольно-Христианское, Хумалаг, Даллакау, Беслан, Кадгарон, Ногкау, Махческ, Нар, Ольгинском, Стыр-Дигора, Карджин, Мизур, Тиб, Джимара, Новая Саниба, Архон, Гулар, Кобань, Зрут, Бад, Каккадур, Гизель, Ахсау, Камунта, Садон, Лац, Бирагзанг, Ецна, Зарамаг, Хидикус, Дунта, Унал, Урух, Закк, Цамада, Цей и многих других.

Стремление населения к образованию проявлялось и в Южной Осетии. Так в 1889 г. «Обществом восстановления православного христианства на Кавказе» были приняты меры к упорядочению учеб-

но-воспитательной части в подведомственных ему церковно-приходских школах [8, 32].

На начальном этапе распространения грамотности церковно-приходские школы сыграли огромную по своей значимости роль, поскольку именно они давали населению элементарные знания. Однако в скором времени потребность осетин в образовании стала выходить за рамки духовного просвещения, и Осетия сделала решительный шаг в сторону развития системы светского образования. Потребность осетин в просвещении имела весьма прагматичный характер. Интерес осетин к светскому образованию в большей мере был обусловлен экономическими мотивами и острой необходимостью интегрироваться в общероссийское экономическое пространство, так как там, «где население почти все сплошь неграмотно, там трудно думать о каком-либо экономическом благосостоянии, даже о мало-мальски порядочной жизни» [9, 3]. Осетины были вынуждены «облачиться во всеоружии образования и направить все свои силы к тому, чтобы подрастающее поколение было развито всесторонне и мобилизовано к борьбе за существование», строя свое будущее «на прочном фундаменте знания» [10, 4]. Определяющую роль в этом нелегком процессе интегрирования и адаптации сыграла русская школа. Со временем в народе было сформировано понимание того, что отсутствие образования служит источником деструктивных общественных явлений. Едва ли можно было встретить людей «с таким узким кругом умственного и духовного зрения, которые бы стали утверждать, что школа имеет отрицательное влияние на человека, как это думали раньше в более отдаленное время. Наоборот, все теперь ясно видят, что устранить или же окончательно уничтожить одну из коренных причин умственной и духовной ограниченности и бездеятельности народной — бедность — можно только силою школы, проясняющей и углубляющей народное самосознание и, следовательно, приготавливающей сознательного врага с этим бичом. Исходя из такого сознания,

осетины повернулись лицом к школе, стараясь все больше попасть в ее объятия» [8, 165].

Основная роль в распространении общероссийской идентичности посредством образования сыграл административный центр Осетии — город Владикавказ, в котором из в год стали появляться различные учебные заведения, направленные не только на подготовку профессиональных специалистов, оперирующих знаниями из разных областей науки и приобщение осетин к православной вере и русскому языку — важнейшей педагогической задачей выступила воспитательная функция русской школы, в которой лидирующее место занимала идеологическая составляющая.

Во второй половине XIX — начале XX в. российская администрация была заинтересована в появлении образованных кадров местного управленческого аппарата, готового к лояльному взаимодействию с гражданской и военной администрацией из числа представителей местного населения. Приоритет отдавался социальной элите Осетии, которая в силу своего исторического положения оказывала влияние на простой народ, поэтому в первую очередь решался вопрос образования детей из семей привилегированных сословий осетин. Однако поначалу горцы не желали отдавать детей в школы. Более того, «местная власть, не взирая на все затруднения, брала сыновей горских князей и влиятельных дворян в виде аманатов (военных заложников) и отправляла их воспитывать в столичные кадетские корпуса... горцы сначала смотрели на эту меру как на насилие. Но когда дети их возвратились обратно домой в блестящих офицерских мундирах и материально обеспеченными, то в понятиях и чувствах большинства отцов произошел крутой поворот. Пробудив, таким образом, с одной стороны, в горцах доверие к правительству, в том смысле, что если оно занимается воспитанием детей, то этим оказывает им лишь благодеяние, а с другой — в народе массу желающих учиться, местная власть, не медля, приступила к устройству школ» [11, 12].

Министерством народного просвещения была выработана программа совместного обучения русских детей с «инородцами»: 1 мая 1848 г. во Владикавказе при Навагинском пехотном полку была открыта школа, в которой вместе обучались дети дворян и почетных сословий Владикавказского военного округа. По окончании школы они поступали на военную или гражданскую службу. Учебная программа Навагинской школы включала русскую грамматику, немецкий и французский языки, арифметику, историю и географию. В 1861 г. эта школа была преобразована в Горское окружное училище [12, 134]. Задача укрепления идентификации себя с русскими однокашниками в умах осетинской молодежи, обучающейся в этом учебном заведении, успешно достигалась: «...здешнее окружное училище воспитывает на счет правительства 50 мальчиков туземцев. Их родители, принадлежащие, без сомнения, к знатнейшим горским фамилиям, не могли не вынести из его стен самого отрадного впечатления: вот самое непобедимое и существенное оружие против такого честного и умного народа, каковы осетины! Здесь без огня и крови совершается прочная победа над... мы не хотим сказать «варварством», потому что осетины далеко уже не варвары. Мало того: природа дала им слишком много драгоценных душевных качеств, каких мы иногда напрасно ищем у иного русского простолюдина, которого никогда не осмелимся назвать варваром» [13, 4].

В 1840 г. для курирования вопросами народного образования был сформирован Кавказский комитет, а в октябре 1853 г. в целях приведения народного образования на Кавказе в соответствие с общегосударственной образовательной системой, вышло «Положение о Кавказском учебном округе». Согласно этому Положению выпускники различных учебных заведений могли претендовать на государственную службу, на учительскую деятельность в начальных и частных школах [12, 134]. Этим правом осетины успешно пользовались, выезжая далеко за пределы своей малой родины.



В октябре 1859 г. был утвержден «Устав о горских школах», создаваемых для распространения гражданственности и образования среди горцев и детей семейных офицеров и чиновников, служащих на Кавказе [14, 1]. В соответствии с Уставом во Владикавказе была открыта Горская школа для детей русских военно-гражданских чиновников и представителей знатных осетинских фамилий. Образовательная деятельность школы была направлена на изучение закона Божиего, языков — русского, немецкого, французского, «татарского», осетинского, а также математики, географии, истории, чистописания, черчения, пения и музыки. На базе школы был образован Горский пансион, при котором действовали ремесленные мастерские, где воспитанники подготовительного класса по вечерам несколько раз в неделю могли заниматься башмачным, портняжным, переплетным, столярным, токарным, резным или слесарным ремеслами по выбору. Претерпев в дальнейшем ряд изменений, в 1870 г. Горская школа была преобразована в реальную прогимназию, которая пользовалась среди населения большой популярностью.

Светские учебные заведения стали появляться и в селах Осетии. В 1896 году сельские сходы Зильги, Заманкула, Карджина, Беслана, Шанаева «постановили приговоры об открытии школ Министерства народного просвещения и сразу же приступили к их осуществлению» [15, 4].

Наравне с образовательной и идеологической, русская школа выполняла и важнейшие консолидирующую и интегративную функции. Социокультурная интеграция горцев в рамках школы начиналась с малых лет. Во многом этому способствовали праздничные мероприятия, связанные с жизнью и творчеством известных российских поэтов и писателей, олицетворявших культуру России в целом. Наиболее эффективными и эффективными были различные юбилейные торжества, подготовка к которым велась заблаговременно и с особой добросовестностью. Особая значимость этих школьных торжеств была об-

условлена самоидентификацией младшего поколения с общей культурной памятью и преемственностью духовных ценностей российского государства, имеющих установки на трансляцию общегосударственных идеологических, культурных и ориентиров через поколения. Школьные юбилейные литературные торжества являлись эффективным средством утверждения общероссийской идентичности через приобщение к литературным традициям русской культуры. В частности, все литературные праздники во всех учебных заведениях завершались гимном «Боже, царя храни!», что также подчеркивало государственную важность мероприятия, его торжественность и способствовало отождествлению себя с большим государством в сознании осетин еще со школьной скамьи.

Яркими страницами в истории процесса утверждения общероссийской идеологии стали праздничные торжества по поводу 100-летних юбилеев таких выдающихся представителей русского литературного наследия как В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. В. Кольцова, которые отмечались и в России, и в Осетии с особым размахом. Наиболее ярким примером распространения идей российской государственности и идентичности посредством литературы представляются произведения В. А. Жуковского, прошедшего через опыт войны 1812 года и с особенной силой ощутившего общность судьбы личной с историческими судьбами всей России, всего русского народа. Этот дух единства и сплочения воплотился в творчестве поэта, которое приобрело государственную значимость и стало примером высокой гражданственности.

В учебных заведениях бытовала стандартная процедура раздачи портретов и листов с сочинениями великих русских писателей и поэтов во время празднеств, что выводило воспитательное воздействие школьных мероприятий за их рамки, которое распространялось не только на самих учащихся, но и на их семьи, друзей, знакомых, вело к расширению их кругозора и формированию у них цен-

ностей, идентичных ценностям жителям Москвы, Санкт-Петербурга, всей России в целом.

Развитие школьного дела способствовало распространению гражданственности в Осетии. Получая образование, горцы «успели усвоить новые понятия, привычки и вкус к удобствам жизни культурных народов и в этом смысле они больше приближаются к русской гражданственности, чем к диким и суровым правам своих братьев. Благодаря этому, многие офицеры из горцев «первой формации», поженившись в России, вовсе не возвращаются на родину, а если кое-кто и возвращается, то все-таки устраивает свою жизнь на началах, более или менее близких к жизни образованного человека, чем, несомненно, вносит некоторый прогресс в суровый горский быт. Но несомненная заслуга образованных горцев заключается в том, что они, главным образом, живя среди своих братьев и влияя на их воинственные инстинкты сдерживающим образом, отвлекают их восстаний, которые довольно часто происходили именно там, где чувствовался недостаток в образованных людях. В этом смысле, конечно, образованные горцы способствовали укреплению гражданственности среди соотечественников» [11, 26].

Общегосударственная идентичность существует не только и не столько сама по себе как набор эмоционально окрашенных представлений, в ней имеет место важнейший регулятивный, поведенческий компонент. В своей структуре она опирается на самоотождествление индивидов с общей страной, родиной, общими целями, исторической памятью. Важнейший вклад в распространение и утверждение российской идентичности и начал гражданственности на Северном Кавказе внесла школа. Образовательная модель, практикуемая в Осетии во вто-

рой половине XIX — начале XX в., была идентична общероссийской образовательной модели и несла в себе все характеристики имперской образовательной политики. Процесс подчинения системы образования государственным интересам, начавшийся в России в XVIII в., был успешно реализован среди осетин, которые с помощью русской школы подвергались идеологическому воздействию: «...Школы Осетии, 30 лет косвенно помогая делу общего управления, незаметно, тихо и мирно сделали то, чего не мог сделать самый строгий административный режим между другими туземными народами той же Терской области в тот же период времени... Все культурные успехи осетинам дала общеобразовательная начальная школа. Если бы среди остальных горских племен давно были открыты начальные школы, хотя бы на те средства, которые у них взыскивали в виде штрафов за воровство и грабежи, то места беспрепятственным грабежам и разбоям не было бы, и среди этих народностей видели бы такое же культурное развитие как... среди осетин» [8, 66]. Как механизм распространения и утверждения общероссийской идентичности русская школа наглядно продемонстрировала свою эффективность и преимущество. Являясь строго регламентируемым и манипулируемым государством институтом, русская школа оказала влияние на умы и души не только учащихся и их семей, но и на народ в целом, сделав для Осетии благоприятную социокультурную, экономическую и гражданственную интеграцию в российское общество, что обеспечило трансформацию процесса формирования мировоззрения и самоидентификации ее народа с общей и единой для всех народов России большой родиной.

1. Уруймагов Х. Несколько слов о школах в горах Осетии // Казбек. 1900. № 751.
2. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее ЦГА РСО-А). Ф. 224. Оп. 1. Д. 23.
3. Беляев И. Русские миссии на окраинах. СПб., 1900.
4. Терские ведомости. 1912. № 185.
5. Фарваровский С. Народное образование у осетин // Терек. 1917. № 5705.
6. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных исследований. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4.
7. ЦГА-РСО-А. Ф. 147. Оп. 1. Д. 131.
8. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: Научно-популярный сборник/Сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали, 1991. Кн. 5.
9. Терек. 1917. № 5705.
10. Терские ведомости. 1909. № 4.
11. Шанаев Гуцыр. Кое-что о горцах. Тифлис. 1888.
12. Ларина В. И. Очерк истории городов Северной Осетии (XVIII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1960.
13. Кавказ. 1863 год. № 27.
14. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 5. Д. 118.
15. Терские ведомости. 1896. № 82.